

Владимир Даненбург

ВЕСЕННЯЯ МУЗЫКА ВЕНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
Москва·1984

Владимир Даненбург

ВЕСЕННЯЯ МУЗЫКА ВЕНЫ

Рисунки Л. Дурасова

ШЕЛ 1945 год — последний год Великой Отечественной войны. Советские войска били врага за пределами нашей страны. Враг продолжал сопротивляться. Но наши солдаты верили в своё правое дело и продолжали прилагать огромные усилия, чтобы окончательно разгромить злейшего врага.

13 апреля 1945 года войска Советской Армии после ожесточённых боёв одержали победу над фашистами в боях за Вену — столицу Австрии. Участники этих боевых действий были награждены медалью «За взятие Вены».

Дедушкины медали

За взятие Вены

МУЗЫКА БАХА

Наша часть стояла в небольшом венгерском городке под Будапештом. В те дни Советская Армия уже вела наступательные бои в Германии, а гитлеровское командование посылало на юг всё новые и новые дивизии, чтобы остановить здесь наступление нашей армии. Фашистские главари боялись потерять Венгрию и Австрию. Только в этих странах остались у них небольшие запасы нефти. А без неё, всем известно, не пошлёшь в бой танки, мотопехоту, не поднимешь в небо самолёты, не отправишь в море корабли...

Мы, взвод артиллеристов-разведчиков, разместились в небольшой комнате брошенного хозяевами дома. По вечерам говорили о предстоящем наступлении, о скорой победе. Был март сорок пятого года.

Однажды на пороге нашей комнаты появился высокий рыжеусый военный в новенькой форме с погонами старшего сержанта, с двумя орденами «Славы» и медалью «За отвагу» на груди. Разговоры в комнате смолкли. Незнакомец спросил:

— Взвод разведки здесь? — И засмеялся: — Порядок! Я ваш новый помкомвзвода. Для полного знакомства: гвардии старший сержант Печёный Георгий Михайлович, одессит. В детстве числился вундеркиндом — играл на скрипке. К вам из госпиталя. Вопросы есть?

Вопросов не было.

На следующее утро нас отправили на передовую к озеру Балатон. Именно оттуда, из-под Будапешта, началось наступление на Вену.

На пятый или шестой день мы взяли город со смешным названием — «Папа». Ничего особенного в этом городе не было. Такие же, как и повсюду в Венгрии, аккуратные строения, такие же узенькие тротуары, такие же садики во дворах, такие же устремлённые к небу островерхие башни соборов...

Мы въехали в город на батарейном грузовике сразу же после пехоты. Улицы были безлюдны. И неудивительно: ещё слышался треск пулемётов, рвались снаряды. Один разорвался на площади у собора. Машина как раз повернула к этой площади. Комбат приказал двигаться дальше пешком. Так было безопаснее.

Когда приблизились к собору, вдруг услышали музыку. Звучал орган. Казалось, пулемётный и автоматный треск, орудийные выстрелы и взрывы снарядов не в силах были заглушить музыку.

— Бах,— определил Печёный.— Сильная музыка! — сказал он и, измерив глазами высоту готических башен, посмотрел на командира батареи: — Вот бы понаблюдать! С верхотуры...

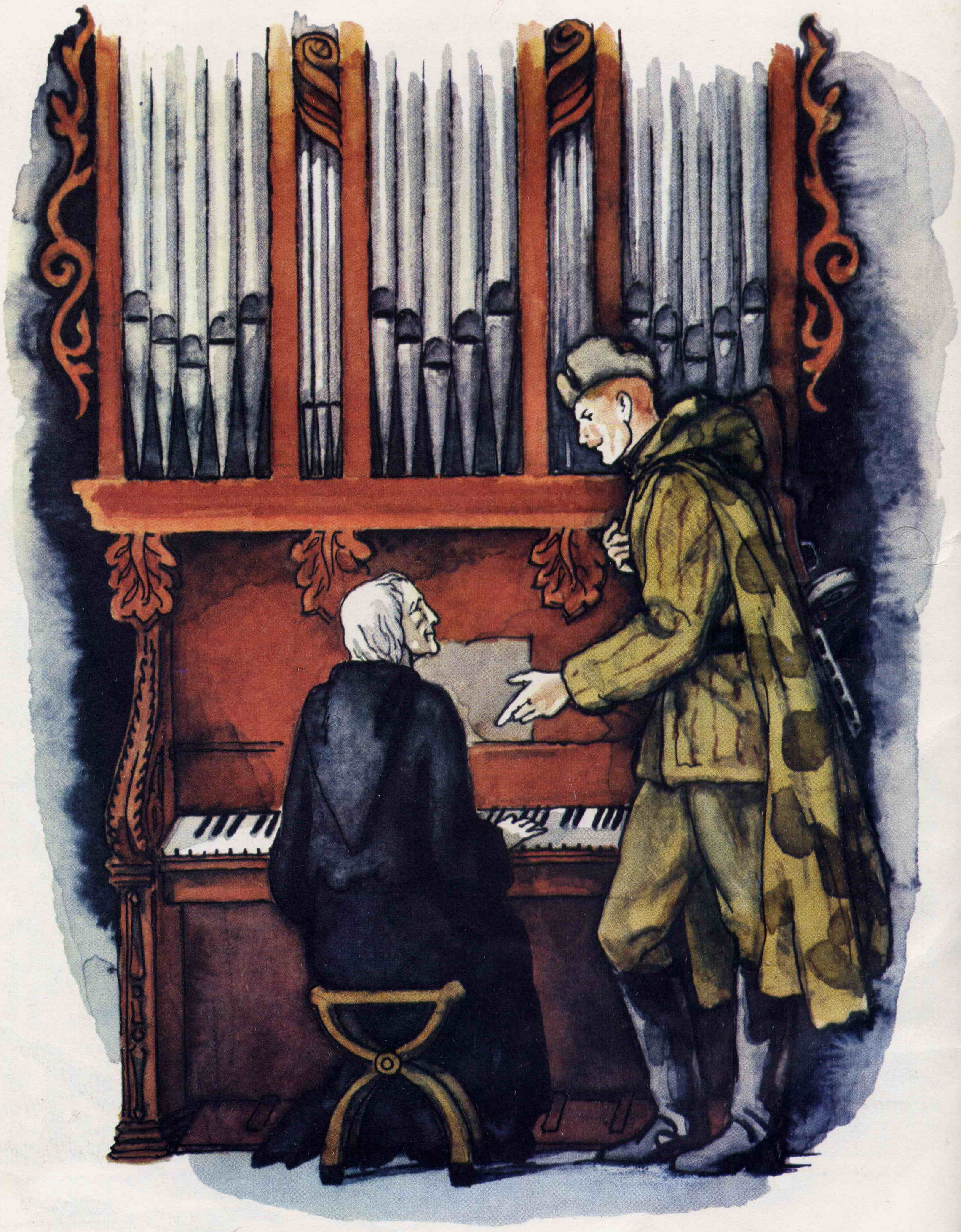
Командир батареи согласно кивнул. Печёный приказал нам следовать за ним. Мы вошли в собор.

Огромный храм был пуст. Лишь один человек, седовласый, в чёрном монашеском облачении, сидел у органа.

Печёный подошёл к нему, осторожно коснулся рукой его плеча. Старик вздрогнул. Не переставая нажимать пальцами на клавиши, вопросительно посмотрел на нашего помкомвзвода. Гвардии старший сержант дружелюбно усмехнулся:

— Не страшно? Идёт бой, снаряды рвутся.

Органист, кажется, ни слова не понял. Помкомвзвода старательно надул щёки:

— Бу-бух! Бу-бух! По-русски не понимаете? Нет? Бах? Это Бах?

— Иген, иген! — Старик оживился, обрадованно закивал.— Да, да! Бах... Русский... мало-немножко...— Он виновато потупился. Потом улыбнулся: — Бах, о!

— Нам бы, папаша, не мешало сейчас повыше подняться.— Печёный возвёл глаза к куполу собора.— Возражений нет? Порядок! Вы играйте, играйте.— Помкомвзвода повернулся к нам: — За мной! — и первым стал подниматься по лестнице вверх.

Мы шли по стёртым каменным ступенькам. Добрались до вершины, облюбовали там глубокое окно, похожее на бойницу. Связисты протянули снизу кабель, и наблюдательный пункт начал действовать.

Под крышу башни взобрался гвардии полковник, комбриг. Он связался по телефону с командирами дивизионов и принялся корректировать огонь батарей.

Нашим глазам открылась панорама боя. По частым вспышкам мы засекали огневые точки врага. Наблюдение вели в стереотрубу и бинокли.

Печёный прирос глазами к окулярам стереотрубы и поминутно докладывал гвардии полковнику обстановку. Комбриг отдавал приказы по телефону.

Снизу доносилась музыка Баха...

Печёный невольно прислушивался к звучанию органа и однажды даже умолк на середине слова:

— Товарищ гвар!..

— Что с вами, старший сержант? — недовольно посмотрел на него гвардии полковник.— Почему молчите? Я жду.

— Бах, товарищ гвардии полковник. Фуга.

— А? Бах? — комбриг засмеялся.— А кое-кто твердит, что, когда говорят пушки, молчат музы. Нет, оказывается, не молчат...

— Так точно, товарищ гвардии полковник! — обрадовался Печёный.— Музы не молчат никогда!

Там, где зарылись в землю орудия врага, поднимались и поднимались чёрные фонтаны земляных комьев. А под нами старый органист вдохновенно играл торжественную фугу в честь скорой Победы.

— Там вон Вена,— помкомвзвода указал рукой в том направлении, где на горизонт

навалилось багровое заходящее солнце.— Мы совсем рядом. А Вена, братишки,— это город великой музыки. Подумать только! Бетховен, Моцарт, Гайдн, Шуберт, Штраус...

Башня собора вздрогнула, в окно брызнула каменная крошка. Вражеские разведчики засекли наш наблюдательный пункт. Вот ещё один снаряд ударил в стену собора у окна. Каменная крошка опять оцарапала наши лица. Но древние стены башни не поддались...

— Засечь! Уничтожить! — приказал комбриг.— Немедленно!

Фашистская батарея — это она вела огонь по собору — пряталась на окраине небольшого хуторка. Из-за кустов вырывались вспышки выстрелов. Комбриг перебрался на каменный подоконник, устремил бинокль на хуторок. Резко прозвучала его команда по телефону. Чёрный сад на краю хуторка утонул в дыму и мелькании вспышек. Вражеская батарея умолкла.

БОЙ В ВЕНСКОМ ЛЕСУ

Наступление войск Советской Армии было стремительным. Шестнадцатого марта сорок пятого года мы вступили в бой у венгерского озера Балатон, а в начале апреля передовые части нашей армии уже подошли к окраинам австрийской столицы. Начался штурм Вены.

Стрелковый полк гвардейской дивизии, которую поддерживала наша артиллерийская бригада, вёл бой в Венском лесу. Было раннее утро. Солнце отсвечивалось в прудах, освещало путаницу аллей и травянистые лужайки. В эти часы, должно быть, раньше здесь пели птицы и стрекотали кузнечики. Сейчас же лес гремел выстрелами, разрывами мин.

Гвардейцы-пехотинцы перебегали от дерева к дереву, ока-

пывались на лужайках, укрывались в зарослях кустов, превращали беседки в огневые точки. В отдалении между деревьями мелькали фигуры отступающих немецких солдат. Командир батальона Столяров наблюдал за боем в бинокль.

Его батальону приказано было к полудню выбить противника из больницы Штейнхоф на юго-западной окраине Вены. Столяров уже видел в бинокль каменную ограду больницы и редкостной красоты здание больничной церкви с куполом и изящными башенками. До цели теперь было рукой подать.

Из-за деревьев раздался грозный львиный рык. Батальон только что выбил гитлеровцев из расположенного в Венском лесу зоопарка. Роты прошли мимо опустевших клеток и вольеров. Лишь в белом здании у ограды рычал старый лев.

Фашисты усилили огонь. Треск пулемётов и автоматов

слился в сплошную оглушающую дробь. Вражеские мины рвались одна за другой.

Первая рота вышла на опушку леса. Теперь осталось лишь преодолеть шоссе и маленькую площадь за ним, и бойцы окажутся у ворот больницы. Только...

Гитлеровцы выкатили на тротуар длинноствольную пушку. Она била прямой наводкой. Пулемёты гитлеровцев не умолкали ни на секунду. В тыл уходили и уходили раненые. Наступление захлёбывалось. Неужели придётся просить помощи у артиллеристов? Бить из орудий по больнице? Но там же люди: врачи, сёстры, больные. А это великолепное здание церкви разве можно разрушить? Что же делать? Что делать?..

— Герр официр!..— прозвучало вдруг.— Герр официр!

Столяров оглянулся и увидел бледного от страха мальчонку лет десяти в коротких брючках на помочах, серой рубашонке и гольфах, открывающих чёрные от грязи коленки. Мальчонка жался к дереву и вздрагивал, когда взрывалась мина или пуля сбивала над головой листья. Столяров шагнул к нему:

— Зачем здесь? Как сюда попал?

— Герр официр, герр официр! — всё повторял мальчонка.

Командир батальона с трудом понял, что мальчик пробрался в лес из больницы. Отец его, «доктор Нойманн», об этом ничего не знает. В больнице боятся, что «руссиш зольдатен» будут стрелять по ней. Отец просил «дойче официр» не ставить орудие около больницы. Малыш заплакал.

— Тебя как звать? — спросил Столяров.

— Франц. Герр официр, шнеллер! — Маленький австриец схватил Столярова за руку и стал тащить в глубину леса.— Шнеллер! — твердил он.— Шнеллер!..

Он увлекал командира батальона к толстоствольным деревьям на небольшом пригорке, и советский офицер увидел неглубокий овражек с искрящимся под солнцем ручейком на дне. Овражек тянулся к площади, за которой была больница Штейнхоф. Ручеёк выливался из широкой сточной трубы, врытой в землю под асфальтовым шоссе. Сквозь эту трубу, прикинул командир батальона, без труда может пробраться и взрослый. Таким способом часть бойцов батальона удастся перебросить на территорию больницы и ударить по гитлеровцам с тыла. «Умница, малыш! — растроганно подумал Столяров.— Спасибо тебе, Франц!»

Он приказал командиру третьей роты скрытно отвести в глубину леса бойцов. Им надо было проникнуть через сточную трубу на территорию больницы Штейнхоф и по сигналу зелёной ракеты ударить по гитлеровцам с тыла. По тому же сигналу батальон поднимется в атаку с фронта.

Один за другим гвардейцы незаметно переползали в овражек и так же скрытно стали двигаться к чёрному круглому отверстию сточной трубы. Франц, в коротких брючках на помочах, с начальственным видом стоял около отверстия и молча указывал солдатам, куда вползать. Он в трубе исчез последним.

В одиннадцать ноль-ноль над Венским лесом взвилась зелёная ракета. Над юго-западной окраиной Вены загремело победное «ура-а-а!..»

Бой был коротким. Гитлеровцы, ошеломлённые внезапным ударом с тыла, сдались. Батальон взял много пленных, захватил артиллерийскую батарею, пулемёты, боеприпасы.

НА УЛИЦАХ И ПЛОЩАДЯХ ВЕНЫ

Гитлеровское командование собиралось превратить Вену в неприступную крепость. Улицы города перегородили баррикадами, древние здания стали укреплёнными огневыми точками.

Командование Советской Армии поставило перед воинами нелёгкую задачу — взять огромный город, не подвергая опасности мирных жителей и сохранив архитектурные и исторические памятники австрийской столицы.

Знаменитый оперный театр — на него так мечтал посмотреть наш помкомвзвода Печёный — стоит на небольшой площади Опернринг. На площади перед величественным зданием театра гитлеровцы соорудили баррикаду из декораций и кресел. У входа в театр они установили орудие.

Командир стрелкового полка, которому было приказано взять театр, продумал план штурма и вызвал к себе на командный пункт старшину Синицына. С Синицыным он был знаком давно. Они вместе прошли путь от Киева до Вены. Сколько раз отважный старшина пробирался во вражеский тыл! Сколько «языков» привёл!

— Что будем делать, старшина? — спросил командир полка.

Хотя ему план был ясен, требовалось призвать на помощь всю душевную твёрдость, чтобы отправить старшину на задание, с которого почти не было надежды вернуться живым. И командир ждал, что скажет разведчик.

— По-моему? — тот понимающе усмехнулся.— По-моему? Проникнуть во вражеский тыл, товарищ гвардии майор! Будет исполнено.

— Желаю удачи!

Дым от взрывов и пыль висели над площадью Опернринг. Старшина броском проскочил мостовую, укрылся за афишной тумбой на вражеской стороне. Дальше, перебегая от дерева к дереву, приблизился к зданию театра с тыла. К глухой стене была прикреплена металлическая пожарная лестница, которая вела к вершине отсечённой бомбой стены. Разведчик вспрыгнул на лестницу и стал быстро-быстро взбираться наверх. За глухой стеной звучали выстрелы, громыхало орудие...

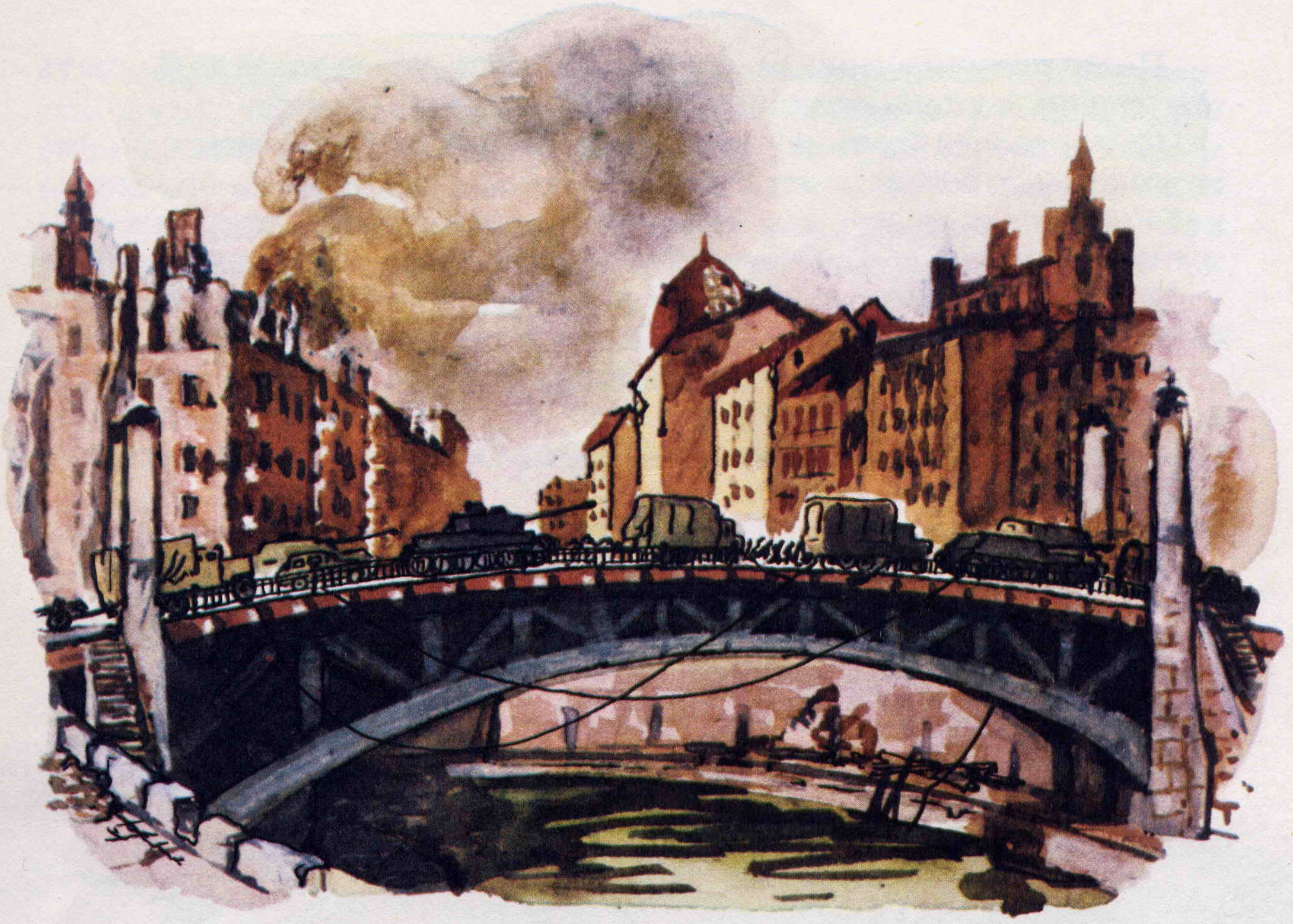
И вот уже гвардии старшина лежит, притаившись, на неровном срезе кирпичной стены. Перед глазами внизу — гитлеровцы. Они суетятся между рядами чёрных обгорелых театральных кресел, переносят ящики с боеприпасами, тянут кабель. В проёме окна установлен пулемёт. Приросший к нему вражеский солдат бьёт по площади. За распахнутой дверью стреляет орудие. Снаряд за снарядом уносится в сторону наших наступающих подразделений.

Положив перед собой гранаты, старшина направляет ствол автомата в спину немецкому пулемётчику. Короткая очередь, и пулемёт умолкает. Одна за другой летят гранаты к орудию у парадного входа.

Взрыв, ещё один, ещё... Кто-то внизу падает, кто-то кричит испуганно. Но вот гитлеровцы приходят в себя и начинают медленно приближаться к стене, на которой лежит гвардии старшина. Снизу бьют автоматы. Их много, очень много для одного разведчика. Они бьют уверенными, неумолимыми очередями. Старшина ощущает один обжигающий удар, второй... Он думает: «Сейчас ребята поднимутся в атаку...»

И гвардейский полк действительно пошёл вперёд. «Ура-а-а! — слышит гвардии старшина.— Ура-а-а!»

МОСТ НУЖНО СОХРАНИТЬ

Овладев театром, полк оттеснил противника к набережной Дунайского канала. Штаб полка разместился в подвале полуразрушенного здания на набережной. Оттуда хорошо просматривался и противоположный, занятый пока противником, берег. У канала набережная ограничена невысоким бетонным парапетом, обрывающимся у моста через канал. По этому мосту шли на север немецкие танки, грузовики с солдатами в кузовах и орудиями на прицепе, штабные машины с офицерами. Уходила пехота. Гитлеровцы занимали оборону за каналом. А мост был заминирован. По данным разведки гитлеровское командование намерено было после отхода своих частей мост тотчас же взорвать.

Полк получил приказ сохранить мост через канал. Сделать это могли только опытные и бесстрашные сапёры.

И вот когда солнце стало катиться к западу, шестеро отважных сапёров поползли по-пластунски по гладкой брусчатке набережной к мосту. Это были старшина Минин, старшие сержанты Кульнев и Ластовский и трое солдат — Борисов, Золкин и Москальчук. Они ползли осторожно, тесно прижимались к бетонному парапету, стараясь быть невидимыми.

Смельчаки-сапёры ползли всё дальше и дальше. Расстояние до моста постепенно сокращалось. А гитлеровцы торопились. Беспорядочно шла пехота, теснили друг друга легковые и грузовые автомобили, рычали танки.

Вот первый из шестёрки сапёров уже перевалил через парапет у самого моста. За ним — второй, третий...

Сапёры пробирались по конструкциям моста под его настилом туда, где гитлеровцы установили мины и фугасы. Надо было отыскать электрический провод, укрытый противником в каком-то потаённом месте. Начало темнеть. Далеко внизу текла чёрная дунайская вода, над головами по мосту грохотали танки, тягачи, топали кованые сапоги отступающей пехоты.

Время шло, а провод всё никак не удавалось найти. Запели пули. Сапёров, похоже, заметили с вражеского берега. Кто-то охнул, раненый. И вот Кульнев крикнул:

— Есть!

Сапёры пустили в дело свои ножницы.

Так спасли мост.

Подвиг сапёров помог наступающим войскам прорваться в центральную часть Вены, к набережным Дуная, и приблизить час окончательного освобождения города.

ПУТЬ К ОТСТУПЛЕНИЮ ОТРЕЗАН

Наш корпус внезапно отвели от австрийской столицы, и мы двинулись на северо-запад в обход Вены. Деревни и небольшие посёлки противник оставлял без особого сопротивления. Враги предпочитали сдаваться в плен, понимая, что война проиграна.

На шоссе, по которому мы двигались, нам то и дело встречались идущие навстречу колонны пленных. А справа, за лесистыми холмами, гремело сражение. Там наши товарищи из других соединений и частей дрались на улицах Вены.

Мы ехали на батарейном грузовике по шоссе. Слева и справа к нему спускались лесистые склоны Альп. Наш помкомвзвода разжился где-то трофейной губной гармошкой, долго протирал её платочком, а потом стал наигрывать вальсы Штрауса.

Как здорово у него получалось! Губная гармошка звучала, как целый оркестр.

Слушая игру Печёного и глядя на подступающие к самому асфальту заросли елей, ясеней, буков, мы терялись в догадках, почему нас отвели из Вены? Разве там легко ребятам из других частей? Куда нас везут?

Только потом я узнал, что командование приказало нашему гвардейскому стрелковому корпусу обойти Вену с юго-запада и перерезать шоссе Вена — Линц. По этому шоссе гитлеровцы собирались вывести из австрийской столицы уцелевшие войска, чтобы оттянуть свой конец. Угроза окружения должна была ускорить капитуляцию врага в Вене.

На третьи сутки к утру мы дошли, наконец, до шоссе Вена — Линц. Оборудовали наблюдательный пункт на склоне холма. Внизу перед нами лежало широкое асфальтовое шоссе. По нему двумя потоками навстречу друг другу двигались вражеские войска. Видно, у гитлеровцев начался тот беспорядок, какой бывает перед окончательным поражением. Кто-то в их штабе настаивал на обороне Вены, и туда шли подкрепления; кто-то требовал сохранить армию, и некоторые части отходили.

Помкомвзвода Печёный получил приказ взять кого-нибудь из своих разведчиков и радиста из взвода связи, перебраться через шоссе, замаскироваться на вершине холма и вести наблюдение за дорогой, выходящей из города. Холм был ближе к венским окраинам, и нашему командованию важно было следить за манёврами противника в пригородах Вены.

Печёный взял меня и молодого солдата из взвода связи Алёшу Федотова.

Лес делался всё реже. Вот уже и до шоссе рукой подать. Виден каждый человек на дороге. Солдаты и офицеры противника обросшие, испуганные, утомлённые. Они то и дело озираются, вздрагивают. Но идут не останавливаясь.

Перебраться через шоссе, по которому неиссякаемым потоком движутся вражеские войска, было не так-то просто. Мы притаились в неглубоком овражке за кустами и стали ждать, когда можно будет выйти из укрытия. Лишь в полдень, когда в сторону Вены фашисты перестали гнать подкрепления, поток воинских колонн и техники на шоссе чуть-чуть поредел.

Помкомвзвода выбрался из овражка, дополз по-пластунски до толстоствольных деревьев у самого шоссе, подал нам с Алё-

шей знак рукой. Короткими перебежками спустились мы к нему. Спрятались за соседними деревьями.

За холмом, на вершину которого нам надо было пробраться, усиливался и усиливался грохот боя. Автоматы врага стучали без передышки. Это был верный признак того, что к шоссе подошли передовые подразделения нашей пехоты. Надо было торопиться — стрелковые батальоны нуждались в артиллерийской поддержке. А без данных разведки огневики не видят целей. От нас троих зависело многое.

Шоссе на короткое время опустело. Смотрим влево, смотрим вправо. Никого. Выбегаем на асфальт и несёмся к склону холма за шоссе. Падаем в траву. По асфальту катит колонна мотоциклистов. Нас всё-таки заметили. Стучат автоматы, пули сбивают листья с придорожных кустов.

Отползаем дальше. Туда, где высокая трава скрыла все неровности склона. На нас никто больше не обращает внимания — бегущим из Вены не до нас. Поднимаемся в полный рост и начинаем взбираться вверх.

Идти тяжело. Нет ни одной протоптанной тропки. Сапоги

соскальзывают с каменных уступов скал и травянистого дёрна.

Мы взобрались на вершину холма. Нам открылось шоссе Вена — Линц. По нему идут и идут отступающие войска. А по обе стороны шоссе раскинулась просторная равнина.

У опушки леса идёт бой. Наша пехота обстреливает противника. Какие-то вражеские подразделения сошли с шоссе и стараются не выпустить из леса наши части. Видны дымки выстрелов, слышен треск автоматных очередей...

За равниной раскинулся огромный город: высокие дома, заводские трубы. Оттуда доносится гул артиллерийской канонады. А по шоссе в нашу сторону катят и катят автомашины с

вражескими солдатами в кузовах, ползут с рёвом танки и самоходки с чёрными крестами на боках.

Наши батареи бьют беглым огнём. Помкомвзвода и я наблюдаем за противником на дороге. Я вижу каждого солдата и каждого офицера на шоссе. Наши сведения, переданные по рации, делают своё дело. Огневики кладут снаряды без промаха. Один снаряд разорвался на шоссе, второй, третий...

Что это? Что случилось? Отчего фашисты остановились, окружив какой-то автомобиль, и стоят неподвижной толпой?

А, вот в чём дело! Из толпы выезжает открытый автомобиль. В нём стоит вражеский офицер и держит белый флаг. Они сдаются!

Мы с Печёным одновременно отрываем от глаз бинокли и смотрим друг на друга. Хочется смеяться, говорить какие-то восторженные слова. Но мы не успеваем открыть рта. Внезапно за спиной у меня раздаётся Алёшин голос:

— Хенде хох!

Мы с помкомвзвода вскакиваем на ноги. Видим, Алёша стоит, целясь автоматом в непонятно как появившихся здесь немцев. Их не меньше взвода. Они подняли руки, испуганно и почтительно глядя на молоденького солдата. Они рады попасть в плен.

А внизу, за холмом, не слышно стрельбы и рёва моторов. Длинную колонну взятых в плен гитлеровцев под конвоем ведут к Вене.

Мы торопим «своих» пленных, настигаем колонну и передаём их начальнику конвоя.

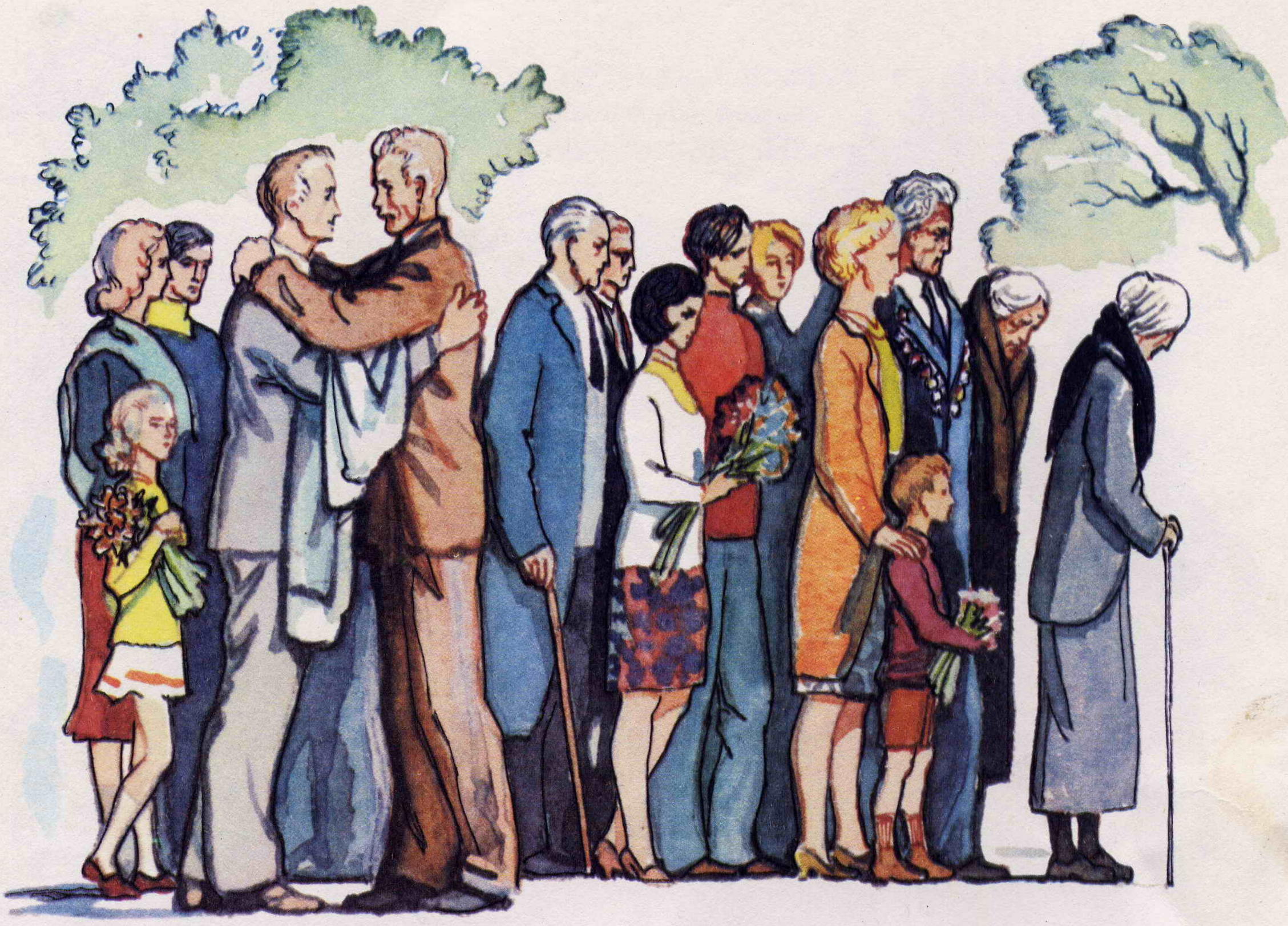
Трудно привыкнуть к тому, что нет стрельбы, что незачем прятаться.

На шоссе Вена — Линц безмолвно стоят наши солдаты и офицеры, глядя вслед нескончаемой веренице пленных. В сторону освобождённой нами Вены медленно удаляется стук тысяч подкованных сапог...

И вдруг — музыка! Губная гармошка. Помкомвзвода достал из кармана трофейный инструмент, и на шоссе между лесистыми склонами холмов зазвучала мелодия песни:

Из многих тысяч батарей
За слёзы наших матерей,
За нашу Родину —
Огонь! Огонь!

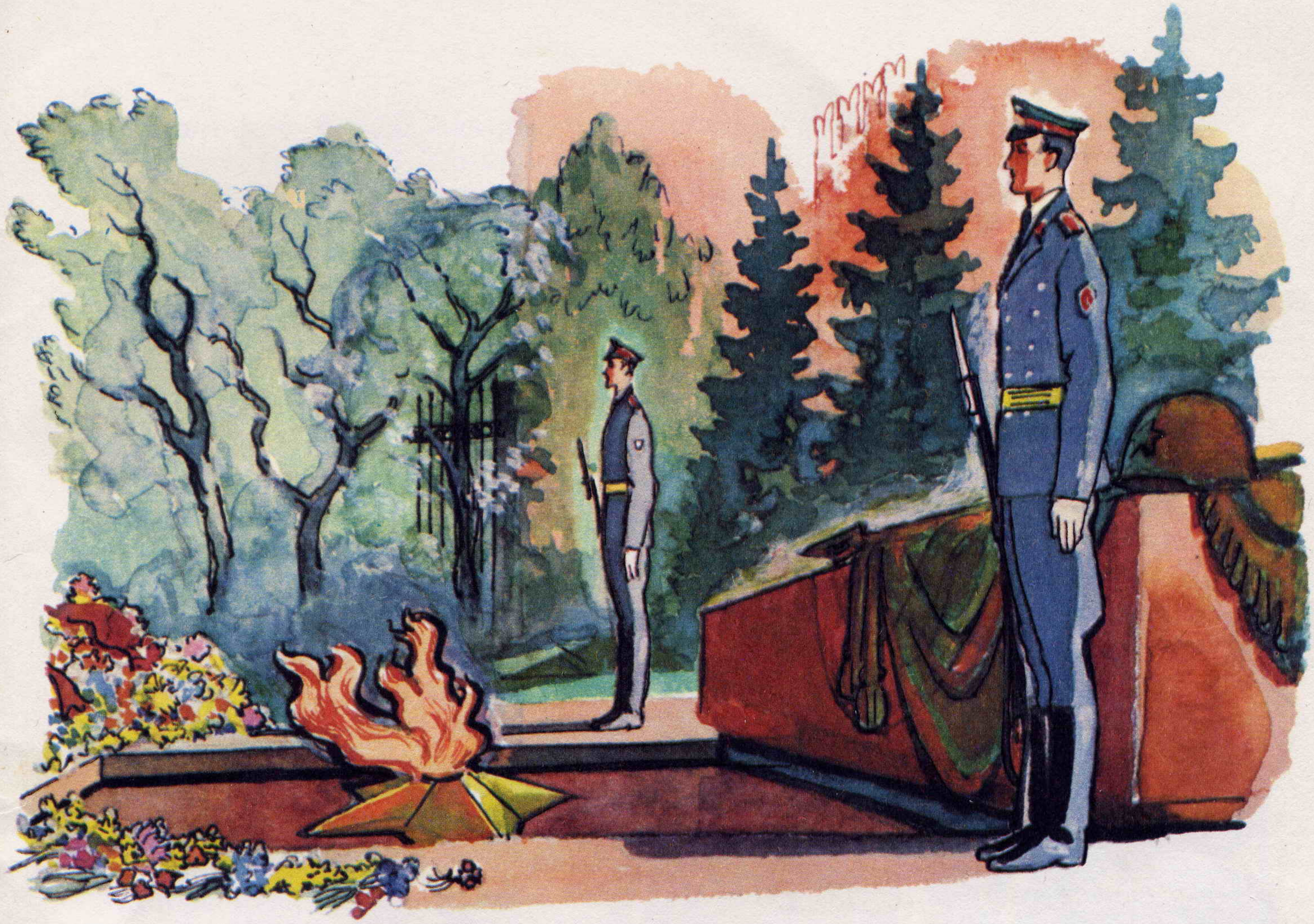

ПРИГЛАШЕНИЕ

Девятого мая, в День Победы, я прихожу к могиле Неизвестного солдата у Кремлёвской стены, кладу букетик весенних цветов на блестящий мрамор и долго стою в безмолвной толпе. Женщины прижимают к глазам влажные от слёз платочки, торжественны и суровы лица поседевших фронтовиков. А в душе у каждого гордость за себя и товарищей своих и светлая печаль. Мы, живые и мёртвые, защитили от могущественного врага свою страну, защитили свободу и мир на земле...

Однажды Девятого мая у могилы Неизвестного солдата людей было особенно много. Блестящая поверхность мрамора была усыпана цветами. Казалось, прямо из цветов выры-

валось пламя Вечного огня. Сменялись на посту строгие безмолвные часовые.

Внимание моё привлёк один человек. На груди у него отливал серебром орден «Славы» и золотилась медаль «За взятие Вены». Он положил на мрамор у Вечного огня букет цветов, и наши взгляды встретились. Он стал пробираться ко мне. Лицо его было очень знакомым. Ни у кого другого не могло быть таких выразительных глаз, таких рыжих и пышных, хотя и подбелённых сединой усов.

— Товарищ Печёный? — спросил я шёпотом.

— Точно!

Мы прошлись по Красной площади, постояли на набережной Москвы-реки. Всё говорили и говорили, вспоминали и вспоминали. Фронт, бои, товарищей...

Рассказывали друг другу о нынешней своей жизни. Георгий Михайлович после Победы окончил консерваторию и теперь работает в симфоническом оркестре. Недавно были на гастролях в Австрии, дали два концерта в Вене.

Памятник советскому солдату-освободителю в центре города стоит, и живые цветы лежат у подножья. Не забывают австрийцы, кто их от фашистов избавил...

* * *

Георгий Михайлович пригласил меня на концерт своего оркестра. Мы встретились в условленное время. Печёный усадил меня в первом ряду. Оркестр исполнял симфонию «Си минор» Шуберта...

И мне вспомнилось, как однажды за нашим помкомвзвода приехал майор из политотдела корпуса. По приказу советского коменданта в лучшем зале города Первого мая должен был состояться концерт для воинов Советской Армии, а также местных любителей музыки. Было приказано Печёного временно откомандировать в распоряжение австрийского дирижёра.

По-немецки помкомвзвода говорить совсем не умел и попросил командира, чтобы с ним в Вену отпустили и меня. На следующий день мы приехали в столицу Австрии. На перекрёстках взмахивали флажками советские регулировщицы. У подворотен и на балконах развевались красные полотнища флагов. Был канун Первого мая, и жители австрийской столицы готовились впервые свободно отметить праздник трудового народа.

Вечером я сидел в ложе осветителя под потолком огромного концертного зала. Сверху мне была видна сцена с многолюдным оркестром, который исполнял симфонию знаменитого австрийского композитора Франца Шуберта «Си минор».

На скрипачах и виолончелистах, на валторнистах, кларнетистах, флейтистах, барабанщиках были строгие чёрные костюмы, на дирижёре — парадный фрак. Только один скрипач на сцене был в советской военной форме с погонами старшего сержанта — мой помкомвзвода Печёный. Мне чудилось, что его скрипка, поющая нежно и проникновенно, затмевает весь оркестр.

После концерта мы с Печёным шли по затемнённым улицам австрийской столицы. Город был тих и безлюден. Помкомвзво-

да, возбуждённый прекрасной музыкой, рассуждал:

— Вена! Чудесный город! Никогда такого не видел! Тут как будто отовсюду музыка слышится! А вот, поверишь, играл я Шуберта и Одессу вспоминал. Скорей бы домой! Мы выгнали отсюда фашистов, и пусть австрийцы у себя в Австрии устраиваются по-своему. А на мой вкус, у нас в Одессе Шуберт лучше звучит.

...Всё это вспомнилось мне, когда я смотрел на сцену, слушая симфонию Шуберта. Первую скрипку в оркестре играл мой бывший помкомвзвода, кавалер ордена «Славы» и медали «За взятие Вены».

25 к.

Для младшего школьного возраста

Владимир Иосифович Даненбург

ВЕСЕННЯЯ МУЗЫКА ВЕНЫ

Художник Л. Дурасов

Редактор *Л. Архарова*. Художественный редактор *Д. Пчёлкина*
Технический редактор *М. Матюшина*. Корректор *Н. Шадрина*

ИБ № 1661

Сдано в набор 27.07.83. Подписано в печать 27.04.84. 60×90/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура журнальная. Печать офсет. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 3,2. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1353. Заказ № 2527. Цена 25 коп. Издательство «Малыш». 101463, Москва, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Д $\frac{4803010102—043}{M102(03)—84}$ 43—84

© Издательство «Малыш» 1980